

тем в научном медицинском дискурсе позволяет обеспечить постоянное развитие медицинской науки, а значит, и здоровья общества.

Научно-медицинский дискурс отличается объективностью и непредвзятостью, он основывается на проверенных фактах и научных исследованиях. Объективность является одним из главных принципов научного медицинского дискурса, который предусматривает основное значение фактов и данных, а не субъективных мнений или предубеждений. В научном медицинском дискурсе представлены все аспекты источников информации, чтобы обеспечить максимальную объективность и достоверность. Объективность научного медицинского дискурса подразумевает предоставление полной информации о происхождении данных и возможных конфликтах интересов. В научном медицинском дискурсе соблюдаются принципы проверяемости и воспроизводимости результатов, что способствует объективности и достоверности исследований. Научный медицинский дискурс отличается от псевдонауки и псевдомедицины тем, что он строится на доказанных фактах и явлениях, а не на мифах или необоснованных утверждениях. Объективность научного медицинского дискурса требует признания и учета различных точек зрения и альтернативных гипотез, однако с учетом доказательной базы и результатов исследования.

Таким образом, научный медицинский дискурс, который рассматривается как специфическая форма коммуникации и обмена информацией, находящаяся во взаимосвязи с исследовательскими направлениями различных научных школ и течений. В рамках системного подхода можно выделить такие специфические характеристики научно-медицинского дискурса, как ясность, доказательность, актуальность и объективность со своими языковыми особенностями.

Библиографический список

1. Куриленко, В. Б. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса [Электронный ресурс] / В. Б. Куриленко, М. А. Макарова, Л. Д. Логина // Современные научные исследования и инновации : электрон. науч.-практ. журнал. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431>. – Дата доступа: 10.09.2023
2. Шамара, И. Ф. Научный медицинский дискурс с позиций системного исследования / И. Ф. Шамара // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1(13). – С. 51–55.
3. Голубых, А. А. Концептосфера MEDICINE в различных типах англоязычного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Голубых. – Самара, 2022. – 200 с.
4. Костяшина, Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Костяшина. – Томск, 2009. – 24 с.
5. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Жура. – Волгоград, 2008. – 40 с.

ОБЩИЕ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Петрушевская (Могилев, Беларусь)

Дифференциация общего и специфического в пословичном фонде языка является в настоящий момент одной из наиболее актуальных проблем в современной паремиологии как самостоятельной дисциплине [1; 2], в том числе и в белорусском языкознании [3; 4]. Установление универсальных (общих) черт пословичных фондов разных языков, а также степени

и глубины этнокультурной ассимиляции общих для двух и более языков пословиц выступает одной из главных проблем сопоставительных исследований, включающих лингвокультурологический анализ.

Сравнительно-сопоставительное лингвокультурологическое изучение паремий оформилось сравнительно недавно как интегративный аспект их описания. Традиционно цель контрастивного анализа пословиц состояла в сопоставлении двух или более языков для выявления различий на разных уровнях представления пословичной структуры и семантики. Целью сравнительной лингвокультурологии «является сопоставительное изучение языков народов мира сквозь призму их культур, когда выявляется универсальный характер национального языкового сознания разных народов, с одной стороны, и этническое своеобразие вербального выражения их картин мира, с другой» [5, с. 6]. Поэтому сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологических ресурсов языка заключается в выявлении «особенностей мировидения и означивания того или иного фрагмента картины мира» [6, с. 16]. В этом смысле, исследователь, привлекая пословичный материал двух и более языков, стремится не просто доказать уникальность того или иного языка, выраженную в различных жанрах паремий, а представить семантическую общность при мнимой различности, показывая точки соприкосновения и пересечения разных языков и культур, выявляя национальную картину мира [7].

В предыдущих исследованиях разработана методология межъязыкового сравнения паремиологических единиц белорусского и других языков (русского, польского, английского, немецкого и др.) [8–11], определены характеристики языковой и национально-культурной специфичности пословичного фонда белорусского языка (на фоне европейских языков) [12], составлены и изданы словари специфически белорусских пословиц [13], белорусско-иноязычные словари [14–23], в которых зафиксирован богатый фактический материал.

Пословицы-аналоги, тождественные структурно-семантические модели пословиц, идентичные и/или близкие пословичные образы и концепты – являются наиболее значимыми соответствиями, по которым можно выделить общее, а на фоне этого общего выявлять специфическое в пословичных фондах языков мира [24, с. 1015–1016].

Пословицы-аналоги – это паремиологические единицы, которые имеют в разных языках тождественные содержание и форму, однако при этом могут иметь формальные варианты в каждом из языков (национальный пословичный вариант одной общей для данных языков пословицы). По характеру межъязыковой общности такие пословицы делятся на универсальные и интернациональные.

Под универсальными пословицами понимаются единицы, существующие в языках, которые не связаны родством и/или языковыми контактами. Такие пословицы обладают широкой пословичной вариативностью (образов и концептов, а также структурной организации).

Например, белорусская пословица Сем раз(-оў) адмерай (прымер), а (адзін) раз адрэж [23, с. 91] имеет аналоги в большинстве европейских и не только языков (всего более 45) и соответствует универсальной пословичной модели: Measure / Think two / three / seven / ten / hundred / many times (before you) cut once ('Мерейте / Думайте два / три / семь / десять / сто / много раз(-а) (перед тем как) один раз отрезать') [25, р. 315]. Ср. в болгарском языке – Дваж мери, веднъж режи; Девет примери, едно одрежи; в польском – Niech siedem razy odmierzy, nim raz odetnie; Dziesięć razy mierz, a raz utnij / krajaj; в русском – Семь раз отмерь, один раз отрежь; Семь раз отмеряй, однава отрежь; в словацком – Dva razy meraj, raz strihaj; Desat'krát meraj a potom strihaj; в словенском – Petkrat meri, enkrat reži; в украинском – Сім / Десять раз відмір / одмір(яй), а раз відріж / одріж; в чешском – Dvakrát / Desetkrát měř, (a) jednou řez; в латышском – Septiņas / Desmit reizes nomēri, (bet) vienreiz nogriez; в литовском – Devynis kartus atmatuok, dešimtą nupjauk; Dešimtį kartų mieruok, vieną kartą pjauk; в английском – Score twice before you cut once; Measure thrice before you cut once once; Measure thrice what you buyest, and cut but once; в немецком – Ehe man einmal abschneidet, muss man zweimal messen;

Man muss dreimal messen, eh' man einmal schneidet; в испанском – Contar muchas veces, у pagar una; в итальянском – Tre / Dieci misure e un taglio; в французском – Mesuré avant ou coupé; в венгерском – Kétszér / Háromszor mérz, égyszér vágj / szabj; в финском – Leikkaa kerta, mittaa kahdesti; в турецком – İki ölç, bir biç, а также в арабском «Measure before you cut» (в буквальном переводе на английский язык); в персидском – «Measure a hudred times before you cut once» (в буквальном переводе на английский язык); в японском – «Seven times compare, once cut» (в буквальном переводе на английский язык) [23, с. 91–92]. Вместе с тем в современном белорусском языке функционирует национальный вариант этой универсальной единицы: Дзесяць (Сем) разоў мер і то не вер [23, с. 91], выделяющейся уникальным вариантом структурной модели.

К интернациональным пословицам-аналогам относятся такие единицы, которые фиксируются в двух и более языках, не имеют такого широкого распространения как универсальные и их наличие в языке можно объяснить генетической общностью языков или заимствованием из других языков (чаще из одного), а также из какого-либо известного текстового источника.

Например, белорусская пословица Дай Божа ў добры час сказаць, а ў ліхі (ў нядобры) памаўчаць или У добры час сказаць, у ліхі памаўчаць [23, с. 146] имеет аналоги в нескольких европейских языках, связанных между собой или генетическим родством, или ареальной близостью, или тесными культурными и языковыми контактами, ср.: в польском – Daj Boże w dobry czas mówić, a we zły milczeć; в русском – В добрый (В доброй) час молвить, а в худой (лихой) – помолчать (промолчать); В добрый час сказать, а в лихой промолчать; Дай Бог в час сказать, в худой промолчать; в украинском – В добрий час сказати, а в лихий помовчати; В добрий час говорити, в лихий мовчати; В добрий час сказати, а в лихий замовчати; в английском – There is a time to speak and a time to be silent; в немецком – In guter Stunde soll man sprechen, in böser soll man schweigen; Reden hat seine Zeit, und Schweigen hat seine Zeit; Schweigen und Reden hat seine Zeit; в испанском – Hay tiempos de hablar, у tiempos de callar; в итальянском – Vi è tempo di parlare, e tempo di tacere; Il y a un temps de parler et un temps de se taire; в французском – Il y a un temps de parler et un temps de se taire [23, с. 146–147].

У интернациональных пословиц национальная вариативность ограничена заменой одного лексического компонента, реже – добавлением новой структурной части в пословице.

Например, известная белорусская пословица Язык да Кіева давядзе [23, с. 303–304] имеет аналоги в ряде языков, ср.: в польском – Język i do Kijowa doprowadzi ('Язык до Киева доведет'), в русском – Язык до Киева доведёт, укр. Язык до Киева (і до Кия) доведе [12, с. 303–304]. Однако наряду с этим в целом ряде языках зафиксированы национальные варианты этой интернациональной пословицы, где произошла замена лексического компонента, ср.: в белорусском – Язык Вільні дапытае; Язык да Вільні давядзе, в польском – Język i do Rzymi doprowadzi (Krakowa, Kijowa), в испанском – Quien boca ha, a Roma va, в итальянском – Chi lingua ha a Roma va, в французском – Qui langue a, à Rome va [23, с. 303–304].

Перспективным для дальнейших исследований является применение данной методики для установления типологической общности на материале пословичных фондов языков, ареально и генетически не связанных друг с другом (что уже сделано для белорусского и тувинского [26] и вепского [27] языков). Это позволит не только установить характер межъязыковой общности пословиц белорусского и других языков мира, но и более глубоко реконструировать на материале пословиц соотношение общечеловеческих и специфических фрагментов в традиционных картинах мира разных народов.

Наибольшую актуальность (и наибольшую трудность) в этой связи представляет лексикографическое описание национальных пословичных фондов во всём многообразии их связей и отношений, сходств и различий с пословичными фондами других языков и культур (родственных и неродственных, контактирующих и неконтактирующих). Для белорусского языка в этом плане сделано уже немало, но еще многое предстоит сделать, особенно на мате-

риале двуязычного паремиографирования белорусского языка и языков романской и германской языковых групп.

Библиографический список

1. Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
2. Бредис, М. А. Паремиология на перекрёстках языков и культур : монография / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбов, Ю. А. Петрушевская ; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2021. – 246 с.
3. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
4. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) : библиографический обзор / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – С. 252–292.
5. Хайруллина Р. Х. Сопоставительная лингвокультурология / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : Мир печати, 2014. – 137 с.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.
7. Ломакина О. В. Национальная картина мира в пословицах и поговорках: из опыта наблюдений / О. В. Ломакина // Фразеология, познание и культура. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2010. – С. 339–342.
8. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
9. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
10. Иваноў, Я. Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Иваноў // Філолагічныя студыі. – 2011. – Вып. 6. – Ч. 2. – С. 53–63.
11. Иваноў, Я. Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Иваноў // Studia slawistyczne. – 2003. – Т. 4. – С. 49–55.
12. Петрушэўская, Ю. А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы : манаграфія / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2021. – 220 с.
13. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў / С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. – Мінск: БФС, 1997. – 262 с.
14. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. / Е. Е. Иванов. Могилев: Брама, 2001. – Т. 1. – 144 с.
15. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. / Е. Е. Иванов. – Могилев: Брама, 2001. – Т. 2. – 164 с.
16. Иваноў, Я. Я. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я. Я. Иваноў, Н. К. Раманавы – Магілёў: МДУ, 2006. – 108 с.
17. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилёв: МГУ, 2007. – 242 с.
18. Иванова, С. Ф. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ, 2007. – 192 с.
19. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. – Магілёў: МДУ, 2009. – 240 с.
20. Иваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік / Я. Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ, 2011. – 164 с.

21. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилев: МГУ, 2019. – Т. 1. – 334 с.
22. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилев: МГУ, 2019. – Т. 2. – 308 с.
23. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Могилёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.
24. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 993–1032.
25. Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese / G. Paczolay. – Veszprém (Hungary) : Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 pp.
26. Петрушевская, Ю. А. Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического / Ю. А. Петрушевская // Bulletin of Ugric Studies. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 497–505.
27. Петрушевская, Ю. А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) / Ю. А. Петрушевская // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 3. – С. 241–263.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СДО MOODLE В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

И. М. Потоцкая (Минск, Беларусь)

Образовательный процесс на современном этапе динамично развивается наряду с развитием информационных технологий. Успешное, продуктивное и эффективное занятие в университете невозможно представить без использования ИКТ. Тенденция в современном учебном процессе ведет к тому, что использование электронных ресурсов делает занятие не только динамичным, но и максимально эффективным.

Помимо базовых навыков и умений, современный выпускник должен уметь критически мыслить, иметь гибкий ум, быстро адаптироваться к меняющейся среде, принимать верные решения в экстремальных ситуациях. В настоящее время важным является воспитание и обучение конкурентноспособных личностей, спрос на которых с каждым годом возрастает. Из этого следует, что учреждения образования должны выстроить образовательный процесс таким образом, чтобы на выходе был получен данного рода специалист.

В Концепции развития педагогического образования написано: «Компетентностный подход, внедряемый в системе подготовки педагогических работников Республики Беларусь, ориентирует все уровни образования на формирование компетенций как основного образовательного результата» [1, с. 16].

Изучив нормативные документы, изменения и дополнения в них, посетив заседание кафедры иностранных языков, а также собрание трудового коллектива филологического факультета БГПУ можно сделать вывод, что для каждой преподаваемой дисциплины в высшем учебном заведении необходимо создание интерактивных электронных учебно-методических комплексов (ИЭУМК).